

**УДК 82.0
МРНТИ 17.09.91
DOI 10.56525//IVBB9358**

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИКАСПИЙСКОГО
РЕГИОНА В ТРУДАХ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО**

БЫЧКОВ Д.М.

Каспийский университет технологий
и инжиниринга имени Ш.Есенова

Актау, Казахстан

E-mail: 180710@mail.ru

***САМЕТОВА Ф.Т.**

Каспийский университет технологий
и инжиниринга имени Ш.Есенова

Актау, Казахстан

E-mail: fauziya.sametova@yu.edu.kz

***Автор-корреспондент:**fauziya.sametova@yu.edu.kz

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению общих характеристик сложившегося в казахской и русской национальных литературах «сверхтекста», в пространстве которого оказались связаны пограничные территории Казахстана и России – Мангистауская и Астраханская области. Объектом исследования послужили биография и дневники Т.Г. Шевченко периода ссылки на полуостров Мангышлак и возвращения через Астрахань в Санкт-Петербург.

Авторы предприняли попытку проследить процесс самоидентификации Т.Г. Шевченко периода ссылки и астраханского этапа, основываясь прежде всего на отдельных его дневниковых записях. Сквозь призму своеобразия личности и биографии Т.Г. Шевченко, дискурс его дневниковых фрагментов периода ссылки на Мангышлак, проанализированных в аспекте синтеза биографического подхода и «когнитивной герменевтики» с опорой на толкование символического уровня и геопоэтических смыслов, вполне многогранно и содержательно просматриваются русско-казахские литературные связи в оригинальном «интертекстуальном пространстве» сопредельных регионов – Мангистауской и Астраханской областей. Проведенный анализ позволил нам выявить индивидуально-авторскую интерпретацию прикаспийского региона, с которым биографически был связан Т.Г. Шевченко. Систематизированные факты дали основание считать Т.Г. Шевченко «лакунарным актантом» в литературной истории двух регионов.

Настоящее исследование выполнено в аспекте синтеза биографического метода и «когнитивной герменевтики» с опорой на толкование символического уровня и геопоэтических смыслов. Авторами обозначены ключевые образы, параметры и основные художественные приемы формирования символической геопоэтики межрегионального «сверхтекста», актуальными для репрезентации Мангистау и Астрахани в других литературных произведениях.

Ключевые слова: казахская литература, русская литература, Т.Г. Шевченко, Мангышлак, Мангистау, Астрахань, биографический метод, когнитивный подход, герменевтика, символика, пассионарная личность, геопоэтика, сверхтекст, литературные связи, концепт.

Введение. Исторически сложившиеся прочные и надежные при различных геополитических обстоятельствах социокультурные и экономические связи между такими

стратегически важными пограничными областями суверенных стран прикаспийского макрорегиона, как Мангистауская и Астраханская, обусловливают дальнейшее партнерское сотрудничество в разных сферах межгосударственной деятельности, что подтверждается фактом официального решения о признании Актау и Астрахани городами-побратимами: 28 ноября 2022 года в Оренбурге в рамках проведения XVIII Форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана главами городских администраций был подписан меморандум об установлении побратимских отношений между муниципальным образованием «Город Астрахань» Российской Федерации и городом Актау Республики Казахстан.

Однако экономические связи, ставшие базисом для настоящего решения, на наш взгляд, отражают процесс того межкультурного диалога, который с различной интенсивностью протекает между данными регионами: между указанными муниципальными центрами к началу XXI века образовалось, выражаясь в филологических терминах методологии изучения современной геopoэтики, своеобразное «интертекстуальное пространство», стягивающее удаленные друг от друга географические точки в единое смысловое поле. Граница, пролегающая между ними, конечно, имеет прежде всего государственное предназначение в целях стратегической безопасности геополитического пространства Большого Каспия, как обозначение того фронтира, который здесь издавна сформировался, но вместе с тем в символической репрезентации географических реалий, свойственной новейшей филологии, граница имеет и топологический характер, поскольку, как учит нас царица наук математика, «граница множества А есть множество всех точек, расположенных сколь угодно близко как к точкам во множестве А, так и к точкам вне множества А». Таким образом, социокультурные локусы «Мангистау» и «Астраханская область» функционируют в соответствии с одновременным действием разнонаправленных процессов самодостаточного культурного развития – центростремительности, с одной стороны, и центробежности, с другой, образуя тем самым в русской и казахской национальных литературах некоторый уникальный (в сравнении с другими) «сверхтекст», не становившийся еще, насколько нам известно, предметом отдельного филологического исследования, что и определяет актуальность данной работы.

Материалы и методы исследования. На современном этапе изучения литературных «сверхтекстов» наибольшее признание у отечественных филологов получило определение, предложенное Н.Е. Меднис, охарактеризовавшей феномен «сверхтекста» как сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью. Это определение во многом восходит к концепции В.Н. Топорова, работы которого, наряду с исследованиями Ю.М. Лотмана и других учёных тартуско-московской семиотической школы, посвящённые Петербургскому тексту, положили начало изучению локальных литературных сверхтекстов (городских и региональных) [1, с. 3-4]. Систематизация многочисленных фактов межтекстовых и биографических связей в литературной истории Астраханского и Мангистауского регионов, доказывающих их интертекстуальную сопряженность, может стать целью глобального научного проекта филологов. Частью этой дальнейшей деятельности и является данная публикация.

Изучение функционирования межрегионального «сверхтекста» в определенный период его актуализации (в сравнении со стагнационными периодами, которые также определяют принципы периодизации) в его символической («геopoэтической») сущности невозможно без применения в частности академического для литературоведения биографического подхода к анализу и интерпретации жизнедеятельности наиболее знаковых представителей культурного развития межрегионального ранга, поскольку их частная судьба, связанная с реальным локусом, с одной стороны, обусловлена его своеобразием (среди множества факторов перечислим некоторые: климат, уровень жизни населения, классовые противоречия, круг общения и т.п.), а с другой стороны – биография «локунарных актантов»

(термин наш – *Д.Б. и Ф.С.*) в межрегиональном «сверхтексте» в свою очередь накладывает неизбыточное на протяжении по меньшей мере десятилетий своеобразие представлений о конкретном локусе, что обусловлено механизмом драматического взаимодействия жизни и судьбы [2, с. 3], человека и окружающей его среды (по мысли основателя культурно-исторической школы в искусствознании И.А. Тэна).

Результаты исследования. По праву ключевой фигурой для межрегиональной литературной истории XIX столетия можно считать Тараса Григорьевича Шевченко (1814 – 1861), художника, поэта и прозаика, человека неординарной биографии, который обладал, на наш взгляд, качествами «пассионарной личности» (известный термин историка Л.Н. Гумилева), то есть являлся человеком «производительного» типа, способным к накоплению и преобразованию своей внутренней энергии в «жизнетворчество», был личностью, безусловно, активной, предприимчивой и рисковой. В этой связи «психическая конституция» Т.Г. Шевченко, как выражаются современные психологи, входит в глубоко личностное противоречие с внешними факторами, которые пассионарная личность преодолевает, стремясь к творчеству: известно, что годы, проведенные Т.Г. Шевченко, в ссылке на Мангышлаке не отвратили его от творческой деятельности и «преобразования» себя.

Т.Г. Шевченко, как известно, одним из первых из числа русских писателей XIX столетия поведал читательскому миру России о жизни пустынного и малоизвестного полуострова Мангышлак, «Каспийского Сахалина», как называли его в дореволюционное время [3, с. 105]. Во время ссылки в Казахстане, до пересылки на Мангышлак, он принимал активное участие в различных исследовательских экспедициях и вопреки запрету начальства, наложившего на него пристальный надзор, продолжал нелегально писать. Т.Г. Шевченко глубоко и многоаспектно познакомился с жизнью казахского народа, изучал его быт, язык, и первой его работой как художника стала картина «Пожар в степи». За это время он написал более 70 стихотворений и три поэмы («Цари», «Марина», «Сотник»). Значительными эстетическими объектами этого периода являются картины поэта «Казах на коне», «Одиночное дерево», стихотворение «Топор был за дверью у господа бога».

Психологи с достаточной основательностью уже выявили способы и личностные типы интерпретации, ее ключевые функции и основные механизмы реализации, обосновали тот факт, что традиционно относящаяся к герменевтике интерпретаторская деятельность человека, проявляющаяся не только по отношению к конкретному тексту и к «тексту» или вообще к жизни является динамической способностью сознания личности вырабатывать взгляды, мнения о своих или чужих поступках, событиях и о себе в их контексте, что обеспечивает определенность жизненной позиции личности в изменяющейся действительности [4, с. 35].

Попытаемся проследить процесс самоидентификации Т.Г. Шевченко периода ссылки и астраханского этапа, основываясь прежде всего на отдельных его дневниковых записях. Остановимся на биографической канве интерпретации личности поэта.

Весной 1850 года Т.Г. Шевченко за нарушение указа «не рисовать и не писать» был вновь арестован и переведен в Новопетровское укрепление, и над ним был установлен еще более суровый надзор. Новым местом ссылки Т.Г. Шевченко стал Форт-Новопетровский: «Живу я, можно сказать, жизнью публичною, сиречь в казармах муштруюсь ежедневно, хожу в караул и т.д., одно слово, солдат, да еще солдат какой! Просто пугало воронье», – иронизировал поэт в письме от 16 июля 1852-го года к А.И. Козачковскому. Письма поэта, составившие большой корпус в его литературном наследии, стали для него, по словам биографа И.Н. Свидина, отдушиной: «Тарас позже имел тайную возможность их писать и получать. Но им тоже можно было доверить лишь малую долю своих тяжелых раздумий, душевных мук. Разными, порой весьма замысловатыми путями уходили они к друзьям с насквозь продутого ветрами, прокаленного беспощадным солнцем пустыни полуострова. Письмо, опаляющие сердце» [5, с. 45].

В крепости Т.Г. Шевченко часто приходилось нести караульную службу у флагштока, который помещался на высокой скале мыса Курганташ перед фортом, отсюда было видно море, рыбачью станицу на берегу бухты, кибитки кочевников, и поэт имел возможность говорить с самим собой: «В неволе вырос меж чужими, / И неоплаканный своими / В неволе плачущий умру». Пребывание в Новопетровском укреплении было самым тяжелым периодом в жизни поэта: за ним был установлен строжайший надзор, за очень короткое время Т.Г. Шевченко постарел: «...это укрепление, да ведомо тебе будет, лежит на северо-восточном берегу Каспийского моря в Киргизской пустыне. Настоящая пустыня! Песок да камень: хоть бы травка, хоть бы деревце – ничего нет», – с психологической достоверностью описывал поэт степной пейзаж Прикаспия в письме к С.С. Гулаку-Артемовскому от 1 июля 1852-го года. Но несмотря ни на что самым плодотворным этапом в творчестве Т.Г. Шевченко был именно мангышлакский период. Существенно изменилась жизнь Т.Г. Шевченко только в 1853 году, когда комендантом Новопетровского укрепления был назначен И.А. Усков, значительно облегчивший, насколько это было возможно, жизнь ссыльного поэта. Поэт был освобожден от нарядов, от тяжелой солдатской муштры, получил позволение время от времени бывать за стенами укрепления, ночевать ему иногда позволялось вне казармы. В период ссылки в Новопетровском укреплении Т.Г. Шевченко создал огромное количество рисунков, стихотворений и поэм, несколько повестей.

Из Мангышлака, получив освобождение из ссылки, Т.Г. Шевченко направляется в Астрахань, связывая тем самым эти территории канвой своей биографии и творчества: «Как быстро и горячо исполняется приказание арестовать, так, напротив, вяло и холодно исполняется приказание освободить. А воля одного и того лица», – с грустью заметил в своем дневнике поэт 18 июня 1857-го года. Когда Т.Г. Шевченко еще находился в Новопетровском укреплении, русский писатель А.Ф. Писемский извещал его в письме от 6 июля 1856-го года, что видел в Астрахани «на одном вечере человек двадцать Ваших земляков, которые, читая Ваши стихотворения, плакали от восторга и произносили Ваше имя с благоговением» [6, с. 74]. В доме И.П. Клопотовского Т.Г. Шевченко устроил небольшую выставку своих рисунков и читал поэтические произведения, написанные в ссылке. Рассказы астраханских медиков о Крымской войне, возможно, отразились во второй редакции повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», оконченной в феврале 1858 года в Нижнем Новгороде. Т.Г. Шевченко выехал из Астрахани в Нижний Новгород [6, с. 80].

Статус «локунарных актантов» межрегионального «сверхтекста» традиционно сопровождается мемориализацией их постоянного (или временного, как в случае с Т.Г. Шевченко) пребывания в реально существующих местах и одновременно в символической плоскости данных локусов. Так, в Мангистау с 1932 года существует музей поэта в городе Форт-Шевченко. На стеллажах и стенах представлены копии многих документов, касающиеся прохождения солдатской службы поэта в Новопетровской крепости.

Здание музея Т.Г. Шевченко имеет мемориальное значение: оно представляет собой летнюю резиденцию коменданта крепости. В парке, который находится недалеко от музея, садовничал ссыльный поэт, здесь произрастают посаженные им деревья. Около музея установлен и памятник украинскому Кобзарю. Посетители музея имеют уникальную возможность спуститься в землянку, где когда-то жил поэт, спасаясь от 45-градусной мангышлакской жары. Он писал своему другу: «Все мое богатство на Мангышлаке – это кровать без спинки, стол да табуретка». Сохранился и колодец, вырытый Т.Г. Шевченко в пору засухи. Сегодня колодец существует почти в неизменном виде.

В Астрахани сохранился дом, в мезонине которого Т.Г. Шевченко снимал комнату [7, с. 181], на доме установлена памятная доска, а также дом преподавателя истории и географии астраханской гимназии, выпускника Киевского университета И.П. Клопотовского, где, как уже упоминалось, была устроена домашняя выставка живописных работ, выполненная поэтом-художником в Новопетровском укреплении. Одна из школ Астрахани носит имя поэта, а в ее дворе установлен бюст Т.Г. Шевченко.

Как видно из приведенных примеров, вокруг имен ключевых фигур межрегионального «сверхтекста», как правило, существует туристско-реакреационная среда. Таким образом, в символическом измерении биографии Т.Г. Шевченко наблюдается закономерность в механизме сопряжения Мангистау и Астрахани: наряду с антитезами в контрастном восприятии анализируемых локусов (таких, как, например, «ссылка – свобода», «степной – водный» и т.п.) существенным признаком, организующим пространственную структуру межрегионального «сверхтекста», является пропозиция разомкнутости: замкнутому земному пространству (мангышлакскому) противопоставлено разомкнутое, водное (астраханское). Не случайно ключевым приемом в описании пейзажа для Т.Г. Шевченко по естественным причинам становится контраст: пустыня – море; песок – камень (см. цитату выше).

Получив неожиданное известие о скоро предстоящем переезде в Астрахань, Т.Г. Шевченко записал в дневнике: «Как золото из огня, как младенец из купели, я выхожу теперь из мрачного чистилища, чтобы начать новый благороднейший путь жизни». Дневниковая запись поэта может служить дополнительным источником интерпретации психофизиологических переживаний освобожденного поэта, как личности «эмотивной» [8, с. 198]. Образность поэтического выражения эмоций передается, как видим, посредством сравнительных конструкций «как золото из огня» и «как младенец из купели», которые фиксируют в когнитивно-дискурсивном пространстве дневника идеологему трансформации самоощущения себя как закаленной в многочисленных трудностях и в определенном роде «обновленной» личности. Не случаен, конечно, в этом плане сам выбор компаративных единиц – «золото» и «младенец», а также сопряженных с ними концептов «огонь» и «купель», между которыми следует зафиксировать индивидуальные дискурсивные отношения в границах одного психологически обусловленного авторского высказывания поэта.

Допустимо предположить символическое измерение этих фундаментальных компаративных единиц в дневнике поэта. Как толкуют слова символов, «золото» в осмыслиении человека традиционно связывается с представлением о достоинстве, величии, высшем проявлении, превосходстве, жизненном начале. Кроме того, как известно, этот драгоценный металл наделяется способностью концентрации энергии, при этом способной к увеличению в силу его благородной природы (как известно, золото не подвержено коррозии) [9, с. 142-143]. В связи с подобным толкованием поэтическое сравнение себя и золота в дневнике Т.Г. Шевченко вполне ситуативно достоверно, логично и содержательно, а также, заметим, несколько гиперболизировано – «золото из огня», что раскрывает, возможно, пассионарный характер поэта. Витальная концепция Т.Г. Шевченко отображается и в другом звене двучленной компаративной конструкции: поэт соотносит свою самость с образом младенца, дублируя в субъективном микроконтексте двучленной компаративной конструкции с одним объектом сравнения «психофилософские» смыслы символического начала, грядущего обновления и возрождения, фундируя их в концепте «младенец», выступающим в компаративной функции [9, с. 356-357]. Так, подводя некоторый итог, сформулируем свои наблюдения над дискурсивным сознанием поэта: Т.Г. Шевченко антропоцентрирует ключевые концепты, дублирует в некотором роде их символические смыслы, персонализирует их, закрепляет за ними идею собственной самости, афористически фундируя субъективные самоощущения по типу: мое «я» – это «золото», «я» есть «младенец».

Кроме того, как указывал Д.С. Лихачев, в сознании человека, находящегося под стражей актуализируются реликтовые принципы мышления, вполне «первобытные» по своей сути. Справедливо отмечают ученики Д.С. Лихачева, что его первая научная статья (под названием «Черты первобытного примитивизма воровской речи»), написанная, кстати, в заключении на Соловках, что придает ей большей фактографической достоверности и психологической выверенности выводов исследователя, содержит наблюдения над речевым поведением не только уголовных преступников: ее контекст намного шире, он, как сказали

бы современные лингвисты, обосновывает проблематику когнитивно-дискурсивного поведения человека в территориально замкнутом пространстве тюремного заключения или, как, например, в случае Т.Г. Шевченко, ссылки, полицейского надзора, поэтому роль указанной статьи Д.С. Лихачева для науки, а также, добавим, и настоящего исследования, кажется более значительной, поскольку вбирает в себя неоспоримые достижения активно развивающейся в первой трети XX века лингвистики и мифографии [10, с. 13], и поэтому вполне приложима к нашему анализу дневниковых импресий Т.Г. Шевченко, находящегося на Мангышлаке. Так, в этой связи, возвращаясь к интерпретации процитированной выше дневниковой записи поэта, вспомним, что в архаических культурах ребенок выступает как маргинальный персонаж, находящийся на границе священного и обыденного времени и пространства. Отражением символической персонализации является, как сообщает Н.Н. Рогалевич, мотив заброшенности и преследования «проклятого ребенка», а с другой стороны – образ «чудесного ребенка», который совершает различные необыкновенные деяния. Маргинальность самоощущения, думается, была психологически свойственна ссыльному Т.Г. Шевченко, представление о предстоящем переходе границы (во всех обертонах смысла этого понятия – географических, возрастных, символических и т.п.) и пограничность бытия собственной самости также актуальны, на наш взгляд, для понимания контекста высказывания: концепты «золото» и «младенец», как видим, ссылаясь на словари символов, контекстуально оформляют идеологему жизненного начала. Заметим параллельно, что Ф. Ницше трактовал ребенка как символ творчества, создания нового: «в невинности и забвении он делает первый шаг» [9, с. 357]. «Сверхчеловеческое» начало могло быть актуализировано в сознании Т.Г. Шевченко в этот важный момент его биографии.

Дневниковые записи Т.Г. Шевченко, как наиболее традиционная форма презентации самости, как нам видится, могут иметь и иные интерпретации в контексте размышлений о психологическом состоянии пассионарной личности (например, фрейдистские, которых мы намеренно не касались): в частности, в соответствии с анализируемой в настоящей статье проблематикой вполне возможным представляется обнаружить герменевтический код еще и в характере геопоэтики сопредельных регионов. Процитируем еще раз дневниковую запись Т.Г. Шевченко: «Как золото из огня, как младенец из купели, я выхожу теперь из мрачного чистилища, чтобы начать новый благороднейший путь жизни». Обратим при этом внимание на символический ракурс не концептов «золото» и «младенец», о которых мы уже достаточно сказали выше, а на грамматически связанные с ними образы «из огня» и «из купели» соответственно.

Исходя из понятного смысла дневниковой импресии, сделанной в рубежный момент жизни ссыльного поэта, «огонь» приобретает и географически обусловленное толкование, ассоциируясь с засушливым климатом степей Прикаспия, зноем, аномальной жарой, которая, как объясняют лингвисты, вполне может явиться «дискурсивной базой для лингвистического творчества», наполняя сознание «устойчивыми социокультурными ситуациями и семиотической креативностью» [11, с. 58-60]. «Купель» в свою очередь, как мы понимаем, есть ассоциант воды и (в силу религиозной семантики данной лексемы) связанного с ней объектными отношениями обряда крещения / священного омовения. Пограничность состояния поэта, как видим, обнаруживается в символическом контрасте, который контекстуально проявляется в дневниковой записи. Вместе с тем, «огонь» в данном дискурсе «в качестве мужской, активной и невещественной стихии противопоставляется воде и земле» и символизирует явления духовного порядка [9, с. 275]. Сакрализация огня, как сообщают словари символов, обусловлена его чудесными, в понимании архаического сознания, способностями самостоятельно перемещаться с одного места на другое, отделять плоть от духа, тело от души, превращать предмет, данный в одном состоянии в иное, вещественное [9, с. 275]. Переформулировав мысль Т.Г. Шевченко, можно заключить, что поэт мыслил себя «золотом», обогащенным огненной силой, или представлял себя в иной символической ипостаси, как «младенец» после крещения.

Обратим пристальное внимание еще и на тот факт, что в анализируемой дневниковой записи поэт не подобрал бинарную пару для «чистилища», как он образно (отметим также семантический смысл эпитета «мрачное» в конкретном дискурсе автора) именует период (и, видимо, локус) своей ссылки. Очевидно, что естественное условие для последовательной фиксации собственных мыслей, наблюдений и идей, свойственной жанру дневника, – это необходимая событийность и наличие фактического материала, которые по понятным причинам не могли иметь место быть в силу неизвестности обстоятельств дальнейшей жизни поэта в Астрахани, поэтому логичная с точки зрения символики бинарная оппозиция «чистилище» – «рай» не могла быть осознана автором дневника, при этом, добавим, концепт «рай» и не реализовался в конкретной сфере, в которой ему предстояло жить в действительности, хотя, стоит думать, поэт пребывал в оптимистичном настроении, живя короткое время в Астрахани.

Биограф поэта Н.С. Травушкин, раскрывший обстоятельства жизни Т.Г. Шевченко в Астрахани (жизнь в доме прапорщика Л.А. Бурцева, посещение городской библиотеки, встречи с выпускниками Киевского университета и со знакомым врачом И.Ф. Муравским, организация выставки картин в доме И.П. Клопотовского, посещение дома семьи купца А.А. Сапожникова и многие другие события) со ссылкой на его дневник сделал следующий вывод об «эмоциональной периодизации» (термин наш – Д.Б. и Ф.С.) творческой биографии Т.Г. Шевченко «астраханского» этапа: «Для поэта, вырвавшегося на свободу, пребывание в Астрахани было интересным, плодотворным и освежающим. На другой день после отъезда Т.Г. Шевченко записал на пароходе в «Дневник»: «Память об этих счастливейших днях я вношу не в прозаический журнал мой – я внесу в сокровищницу моего сердца» [6, с. 81].

Заключение. Таким образом, сквозь призму своеобразия личности и биографии Т.Г. Шевченко, дискурс его дневниковых фрагментов периода ссылки в Мангышлак, проанализированных в аспекте синтеза биографического подхода и «когнитивной герменевтики» с опорой на толкование символического уровня и геопоэтических смыслов, вполне многогранно и содержательно просматриваются русско-казахские литературные связи в оригинальном «интертекстуальном пространстве» сопредельных регионов – Мангистауской и Астраханской областей. Проведенный анализ позволил нам выявить индивидуально-авторскую интерпретацию прикаспийского региона, с которым биографически был связан Т.Г. Шевченко. Систематизированные факты дали основание считать Т.Г. Шевченко «лакунарным актантом» в литературной истории двух регионов. В проведенном исследовании, как нам кажется, лишь в первом приближении к решению поставленной проблематики обозначены ключевые образы, параметры и основные художественные приемы формирования символической геопоэтики межрегионального «сверхтекста» периода 1850-х годов, которые, на наш взгляд, в некоторых вариациях являются актуальными и для иных эстетических планов презентации Мангистау и Астрахани в других литературных произведениях XIX – XXI вв., в их самостоятельном функционировании и смежном сосуществовании.

ЛИТЕРАТУРА

- [1]. «Астраханский текст» в русской литературе: учебное пособие / сост. А. А. Боровская, Д. М. Бычков, Л. Ю. Касьянова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2019. – 255 с.
- [2]. Арабов Ю.Н. Механика судеб: опыт драматургии «действительной жизни». – М.: Издательский дом «Парад», 1997. – 240 с.
- [3]. Ерымовский К.И. У скал Мангышлака / Ерымовский К.И. Легенда о лотосе. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1969. – С. 105-129.
- [4]. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. – Дубна: Феникс+, 2002. – 240 с.

- [5]. Свидин И.Н. Полуостров судьбы поэта. – Алма-Ата: Казахстан, 1978. – 156 с.
- [6]. Травушкин Н.С. Шевченко – дорогой гость астраханцев / Травушкин Н.С. В краю тысячи рек. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1988. – С. 73-81.
- [7]. Марков А.С. Здесь жил великий кобзарь / Марков А.С. Были Астраханского края. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1976. – С. 181-185.
- [8]. Леонгард К. Акцентуированные личности / пер. с нем. В.М. Лошинской. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1997. – 544 с.
- [9]. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Минск: Харвест, 2004. – 512 с.
- [10]. Смирнов И.П. Свидетельства и догадки. – Urbi: Литературный альманах. – Вып. 26. – СПб.: АО Журнал «Звезда», 1999. – 128 с.
- [11]. Когнитивный словарь литературно-философского дискурса / ред.-сост. Д.М. Бычков, Е.Н. Бадалова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2014. – 268 с.

REFERENCES

- [1]. «Astrahanskij tekst» v russkoj literature: uchebnoe posobie / sost. A. A. Borovskaya, D. M. Bychkov, L. YU. Kas'yanova. – Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2019. – 255 s. [in Russian]
- [2]. Arabov YU.N. Mekhanika sudeb: opyt dramaturgii «dejstvitel'noj zhizni». – M.: Izdatel'skij dom «Parad», 1997. – 240 s. [in Russian]
- [3]. Erymovskij K.I. U skal Mangyshlaka / Erymovskij K.I. Legenda o lotose. – Elista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. – S. 105-129. [in Russian]
- [4]. Slavskaya A.N. Lichnost' kak sub"ekt interpretacii. – Dubna: Feniks+, 2002. – 240 s. [in Russian]
- [5]. Svidin I.N. Poluostrov sud'by poeta. – Alma-Ata: Kazahstan, 1978. – 156 s. [in Russian]
- [6]. Travushkin N.S. SHevchenko – dorogoj gost' astrahancev / Travushkin N.S. V krayu tysyachi rek. – Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1988. – S. 73-81. [in Russian]
- [7]. Markov A.S. Zdes' zhil velikij kobzar' / Markov A.S. Byli Astrahanskogo kraja. – Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1976. – S. 181-185. [in Russian]
- [8]. Leongard K. Akcentuированные lichnosti / per. s nem. V.M. Loshchinskoy. – Rostov n/D: Izd-vo «Feniks», 1997. – 544 s. [in Russian]
- [9]. Slovar' simvolov i znakov / Avt.-sost. N.N. Rogalevich. – Minsk: Harvest, 2004. – 512 s. [in Russian]
- [10]. Smirnov I.P. Svidetel'stva i dogadki. – Urbi: Literaturnyj al'manah. – Vyp. 26. – SPb.: AO ZHurnal «Zvezda», 1999. – 128 s. [in Russian]
- [11]. Kognitivnyj slovar' literaturno-filosofskogo diskursa / red.-sost. D.M. Bychkov, E.N. Badalova. – Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2014. – 268 s. [in Russian]

Саметова Фаузия Толеушаиховна

*III. Есенов атындағы Каспий технологиялар және инжиниринг университеті,
Ақтау қ., Қазақстан*

Дмитрий Михайлович Бычков

*III. Есенов атындағы Каспий технологиялар және инжиниринг университеті,
Ақтау қ., Қазақстан*

ТАРАС ШЕВЧЕНКОНЫҢ ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ КАСПИЙ МАҢЫ АЙМАҒЫНЫҢ ЖЕКЕ АВТОРЛЫҚ ТҮСІНДІРМЕСІ

Аңдамта. Бұл мақала қазақ және орыс ұлттық әдебиеттерінде қалыптасқан, кеңістігінде Қазақстан мен Ресейдің шекаралық аумақтары – Маңғыстау және Астрахан облыстары байланысқан "супертекстің" жалпы сипаттамаларын анықтауға арналған. Зерттеу

нысаны Т.Г. Шевченконың Маңғышлақ түбөгіне сілтеме жасау және Астрахань арқылы Санкт-Петербургке оралу кезеңінің өмірбаяны мен күнделіктері болды.

Авторлар Т.Г. Шевченконың жер аудару кезеңі мен Астрахан кезеңін, ең алдымен оның жеке күнделік жазбаларына сүйене отырып, өзін-өзі анықтау процесін бақылауға тырысты. Жеке тұлғаның өзіндік ерекшелігі мен өмірбаяны арқылы Т. Г. Шевченко, символдық деңгей мен геopoэтикалық мағыналарды түсіндіруге сүйене отырып, өмірбаяндық тәсіл мен "когнитивтік герменевтика" синтезі тұрғысынан талданған Маңғышлаққа сілтеме жасау кезеңіндегі оның күнделік фрагменттерінің дискурсы көршілес аймақтардың-Маңғыстау және Астрахан облыстарының түпнұсқа "интертекстуалдық қеңістігінде" орыс – қазақ әдеби байланыстары жан-жақты және мазмұнды көрінеді. Жүргізілген талдау бізге Т. Г. Шевченко өмірбаяндық тұрғыдан байланысты болған Каспий маңы аймағының жеке-авторлық түсіндірмесін анықтауға мүмкіндік берді. Жүйеленген фактілер Т.Г. Шевченконы еki аймақтың әдеби тарихындағы "лакунарлық актант" деп санауға негіз болды.

Бұл зерттеу символдық деңгей мен геopoэтикалық мағыналарды түсіндіруге негізделген өмірбаяндық әдіс пен "когнитивтік герменевтика" синтезі аспектісінде орындалды. Авторлар Маңғыстау мен Астраханьды басқа әдеби шығармаларда бейнелеу үшін өзекті болып табылатын аймақаралық "супертекстің" символдық геopoэтикасын қалыптастырудың негізгі бейнелерін, параметрлерін және негізгі көркемдік тәсілдерін белгіледі.

Түйінді сөздер: Қазақ әдебиеті, орыс әдебиеті, Т.Г. Шевченко, Маңғышлақ, Маңғыстау, Астрахань, өмірбаяндық әдіс, когнитивтік тәсіл, герменевтика, символизм, пассионарлық тұлға, геopoэтика, супермәтін, әдеби байланыстар, тұжырымдама.

Sametova Fauziya

Sh. Yessenov Caspian state university of technology and engineering, Aktau, Kazakhstan

Dmitrij Bychkov

Sh. Yessenov Caspian state university of technology and engineering, Aktau, Kazakhstan

INDIVIDUAL AUTHOR'S INTERPRETATION OF THE CASPIAN REGION IN THE WORKS OF TARAS SHEVCHENKO

Abstract. This article is devoted to identifying the common characteristics of the "supertext" that has developed in the Kazakh and Russian national literatures, in the space of which the border territories of Kazakhstan and Russia – the Mangistau and Astrakhan regions - were connected. The object of the study was the biography and diaries of T.G. Shevchenko from the period of exile to the Mangyshlak peninsula and return to St. Petersburg via Astrakhan.

The authors made an attempt to trace the process of Taras Shevchenko's self-identification during the exile period and the Astrakhan stage, based primarily on his individual diary entries. Through the prism of the identity of the personality and biography of T.G. Shevchenko, the discourse of his diary fragments from the period of reference to Mangyshlak, analyzed in the aspect of the synthesis of the biographical approach and "cognitive hermeneutics" based on the interpretation of the symbolic level and geopoetic meanings, Russian-Kazakh literary connections in the original "intertextual space" of the adjacent regions – Mangystau and Astrakhan regions are quite multifaceted and meaningful. The analysis allowed us to identify the individual author's interpretation of the Caspian region, with which T.G. Shevchenko was biographically associated. The systematized facts gave grounds to consider T.G. Shevchenko a "lacunary actor" in the literary history of the two regions.

The present study is carried out in the aspect of the synthesis of the biographical method and "cognitive hermeneutics" based on the interpretation of the symbolic level and geopoetic meanings. The authors have identified the key images, parameters and basic artistic techniques for the formation of symbolic geopoetics of the interregional "supertext", relevant for the representation of Mangystau and Astrakhan in other literary works.

Keywords: Kazakh literature, Russian literature, T.G. Shevchenko, Mangyshlak, Mangystau, Astrakhan, biographical method, cognitive approach, hermeneutics, symbolism, passionate personality, geopoetics, overtext, literary connections, concept.